

них даже блестящи и удостаивались присутствия всеми любимого и уважаемого московского генерал-губернатора кн. *Д. В. Голицына*, *Ив. Ив. Дмитриева* и других знаменитостей. Тут изящная словесность стояла на первом плане; философия, история и другие науки только украдкой, от времени до времени, осмеливались подавать свой голос. Мне удалось там прочесть некоторые переводы из Фукидида, Платона и отрывки из истории Петра I, которую тогда я с любовью занимался*.

А. И. Кошелев

КРУЖОК ЛЮБОМУДРОВ**

Другое общество было особенно замечательно: оно собиралось тайно, и об его существовании мы никому не говорили. Членами его были: кн. *Одоевский*, *Ив. Киреевский*, *Дм. Веневитинов*, *Рожалин* и я. Тут господствовала немецкая философия, т.е. Кант, Фихте, Шеллинг, Окэн, Горрес и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения, но всего чаще и по большей части беседовали о прочтенных нами творениях немецких любомудров. Начала, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания, составляли преимущественный предмет наших бесед; христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, любомудров. Мы особенно высоко ценили Спинозу, и его творения мы считали много выше Евангелия и других священных писаний.

* *А. Н. Муравьев* вспоминает об этом кружке в своей брошюре «Знакомство с русскими поэтами» Киев, 1871, с. 4—8. См. «Автобиографию» С. Раича в «Русском Библиофиле», 1913, № 8 и Воспоминание о С. Е. Раиче М. А. Дмитриева в «Московских Ведомостях», 1855, № 141.

** Записки *А. И. Кошелева*, с. 12—18.

Мы собирались у кн. Одоевского, в доме Ланской (ныне Римского-Корсакова в Газетном переулке)*.

Он председательствовал, а Д. Веневитинов всего более говорил и своими речами часто приводил нас в восторг. Эти беседы продолжались до 14 декабря 1825 года, когда мы сочли необходимым их прекратить как потому, что не хотели навлечь на себя подозрения полиции, так и потому, что политические события сосредоточивали на себе все наше внимание. Живо помню, как после этого несчастного числа кн. Одоевский нас созвал и с особенною торжественностью предал огню в своем камине и устав и протоколы нашего общества любомудрия. Но возвратимся несколько вспять и расскажем о положени дел в последние годы царствования императора Александра I.

Смутно вспоминаю я о либеральных толках, бывших в 1818—1822 годах, особенно между военными, возвратившимися из Франции после событий 1812—1815 годов; но очень положительно и ясно сохранились в моей памяти жалобы на слабость императора Александра I в его отношениях к Меттерниху и Аракчееву. И старики, и люди зрелого возраста, и в особенности молодежь, словом чуть-чуть не все, беспрестан-

* М. Погодин так описывает место встреч любомудров:

«Две тесные каморки молодого Фауста под подъездом были завалены книгами — фолиантами, квартантами и всякими октавами, на столах, под столами, на стульях, под стульями, во всех углах, так что пробираться между ними было мудрено и опасно. На окошках, на полках, на скамейках — склянки, бутылки, банки, ступы, реторты и всякие орудия. В переднем углу красовался человеческий костяк с голым черепом на своем месте и надписью: *sapere aude*. К каким ухищрениям должно было прибегнуть, чтоб поместить в этой тесноте еще фортепиано, хотя и очень маленькое, теперь мудрено уже и вообразить! Это мог сделать только Одоевский с своими изобретательными способностями в этом роде».

В память о кн. В.Ф. Одоевском. Заседание Общества любителей российской словесности 13 апреля 1869 года. М., 1869. с. 52—53.

но и без умолку осуждали действия правительства, и одни опасались революции, а другие пламенно ее желали и на нее полагали все надежды. Неудовольствие было сильное и всеобщее. Никогда не забуду одного вечера, проведенного мною, восемнадцатилетним юношею, у внучатного моего брата Мих. Мих. Нарышкина; это было в феврале или в марте 1825 года. На этом вечере были Рылеев, кн. Оболенский, Пущин и некоторые другие, впоследствии сосланные в Сибирь. Рылеев читал свои патриотические думы; а все свободно говорили о необходимости — *d'en finir avec ce gouvernement*. Этот вечер произвел на меня самое сильное впечатление. На другой же день утром я сообщил все слышанное Ив. Киреевскому, и с ним вместе мы отправились к Дм. Веневитинову, у которого жил тогда Рожалин, только что окончивший университетский курс с степенью кандидата. Много мы в этот день толковали о политике и о том, что необходимо произвести в России перемену в образе правления. Вследствие этого мы с особенною жадностью налегли на сочинения Бенжамена Константа, Роэ-Коллара и других французских политических писателей, и на время немецкая философия сошла у нас с первого плана.

Никогда не забуду того потрясающего действия, которое произвели на нас первые известия о 14 декабря. Хотя уже знали, что император Александр I скончался, что скрывали его смерть, что в Петербурге в правительственной сфере происходили толки и переговоры и что в обществе было сильное волнение, однако известия о явном бунте нас сильно поразили: слова стали переходить уже в дела.

В этот промежуток времени, т.е. между получением известий о кончине императора Александра и о происшествиях 14 декабря, мы часто, почти ежедневно, собирались у М.М. Нарышкина, у которого сосредоточива-

лись все доходившие до Москвы слухи и известия из Петербурга. Толкам не было границ. Не забуду никогда одного бывшего в то время разговора о том, что нужно сделать в Москве в случае получения благоприятных известий из Петербурга. Один из присутствовавших на этих беседах, кн. *Николай Иванович Трубецкой* (точно он, а не иной кто-либо, хотя это и невероятно, однако верно: вот как люди меняются!), адъютант гр. П.А. Толстого, тогда командовавшего корпусом, расположенным в Москве и ее окрестностях, брался доставить своего начальника, связанного по рукам и ногам (*avec les mains et les jambes liees*). Предложениям и прениям не было конца; а мне, юноше, казалось, что для России уже наступал великий 1789 год.

В первых числах декабря, по указу Сената, присягнули в Москве императору Константину Павловичу, и целые десять дней все просьбы подавались на его имя и указы писались от его имени. Эта присяга принесена была совершенно просто — без всяких особенных обстоятельств. Не такова была присяга императору Николаю Павловичу. Тут сочли нужным принять разные чрезвычайные меры. В соборе присягали одни сенаторы и высшие сановники, а прочие чиновники присягали особо по каждому ведомству.

Ночью разосланы были повестки насчет этой присяги. Меня разбудили в четвертом часу, я не мог более заснуть и до рассвета проходил по своей комнате. В 8 часов я поехал к Ив. Киреевскому и вместе с ним к Веневитиновым. Много мы толковали и были крайне взволнованы, но, несмотря на то, в 11 часов собрались в Архиве коллегии иностранных дел для принесения присяги. Наш добрый начальник А.Ф. Малиновский был в крайнем смущении и испуге. По распоряжению свыше военный караул при Архиве был утроен и солдаты снабжены патронами. Командовал не унтер-офи-

цер, даже не простой офицер, а целый майор. Воображали, кажется, что архивные юноши произведут подражание петербургскому возмущению. Но у нас все прошло самым спокойным образом, и только Соболевский в шутку, вполголоса, при попарном нашем шествии в церковь, пропел Марсельезу.

Хотя в Москве все было тихо и скромно, однако многие, и мы в том числе, были крайне озабочены и взволнованы. Известия из Петербурга получались самые странные и одно другому противоречащие. То говорили, что там все спокойно и дела пошли обычным порядком, то рассказывали, что открыт огромный заговор, что 2-я армия (тогда армия состояла из двух отделов — один находился под начальством графа Остен-Сакена, а другой — гр. Витгенштейна) не присягает, идет на Москву и тут хочет провозгласить конституцию. К этому прибавляли, что Ермолов также не присягает и со своими войсками идет с Кавказа на Москву. Эти слухи были так живы и положительны и казались так правдоподобными, что Москва или, вернее сказать, мы ожидали всякий день с юга новых Мининых и Пожарских. Мы, немецкие философы, забыли Шеллинга и комп., ездили всякий день в манеж и фехтовальную залу учиться верховой езде и фехтованию и, таким образом, готовились к деятельности, которую мы себе предназначали.

Вскоре начали в Москве по ночам хватать некоторых лиц и отправлять их в Петербург. Очень памятно мне арестование внучатого моего брата и коротко мне знакомого Вас. Серг. Норова*; лично при этом я нахо-

* [В.С. Норов, старший брат А.С. Норова, бывшего впоследствии министром народного просвещения, служил прежде в лейб-егерском полку, считался отличным служакою, страстно любил военное дело и вышел в отставку по особому случаю. В. кн. Николай Павлович при фронте разругал его и, стукнувши ногою по зе-

дился, и это событие меня очень поразило. Сидим мы у Норова и беседуем. Вдруг около полуночи без доклада входит полицеймейстер и спрашивает, кто из вас Вас. Серг. Норов. Когда хозяин встал и спросил, что ему нужно, тогда полицеймейстер объявил, что имеет надобность переговорить с ним наедине. Норов попросил нас уйти на время наверх к его матери. Опечатали все бумаги Норова, позволили ему только в сопровождении полицеймейстера взойти к старухе-матери, чтобы с нею проститься, и повезли его в Петербург. Этот увоз произвел на мать ужасное действие — она словно рехнулась. Он произвел и на всех нас сильное впечатление. Вскоре, также ночью, увезли в Петербург Нарышкина, Фонвизина и многих других. Это навело всюду и на всех такой ужас, что почти всякий ожидал быть схваченным и отправленным в Петербург. Рассказы из Петербурга о том, кого там брали и сажали в крепость, как содержали и допрашивали арестованных и пр., еще более увеличивали всеобщую тревогу. Матушка очень за меня боялась, положила меня спать подле своей комнаты; ей постоянно чудилось, что за мною ночью приехали, и потому на всякий случай она приготовила в моей комнате теплую фуфайку, теплые сапоги, дорожную шубу и пр. Этих дней или, вернее сказать, этих месяцев (ибо такое положение продолжалось до назначения Верховного суда, т. е., кажется, до апреля), кто их пережил, тот, конечно, никогда их не забудет. Мы, молодежь, менее страдали, чем волновались, и даже почти желали быть взятыми и тем стяжать и известность и мученический венец. Эти события нас,

мле, обрызнул его грязью. Норов подал в отставку, и все офицеры полка сделали то же. Это было сочтено за бунт. Норов и многие из офицеров были переведены тем же чином в армейские полки. Несколько времени спустя Норов получил отставку и поселился у матери в Москве.]

между собою знакомых, чрезвычайно сблизили и, быть может, укрепили ту дружбу, которая связывала Веневитиновых, Одоевского, Киреевского, Рожалина, Титова, Шевырева и меня.

Я, было, забыл рассказать об одном, хотя в самом себе и неважном событии, однако вполне характеризующем то прожитое время. В январе, во время ежедневных новых арестов, объявляется, что тело покойного императора будет провезено через Москву и что по этому поводу имеет быть торжественная встреча. Всех нас, архивных юношей, нарядили в мундиры и отправили к Серпуховской заставе, откуда мы пешком попарно вместе с другими ведомствами должны были торжественно шествовать до Кремля. Между тем прошел слух, что в Москве готовится манифестация против покойного и царствующего императора. В Петербурге вздумали, что в «крамольной» Москве предполагается выбросить из гроба тело покойного императора и таскать его по улицам, в знак общего негодования за назначение Николая Павловича наследником императорского престола. Войска, под предлогом большей торжественности, а действительно из опасения манифестации, были в усиленных рядах расставлены по обеим сторонам улиц от Серпуховских ворот до Кремля и в самом Кремле, и, сверх того, велено было солдатам иметь заряженные ружья. Таким образом, церемония грозила превратиться в событие, но таковым оно являлось только Петербургу, а здесь никто и не думал воспользоваться этим случаем, чтобы произвести возмущение. Все прошло совершенно спокойно и чинно; тело императора было поставлено в Архангельском соборе, тут оно простояло три дня; мы по очереди дежурили, а народ усердно приходил поклоняться праху, а на четвертый день так же спокойно и чинно проводили тело до Петровской заставы. Нако-

нец дожили мы до мая и думали разъехаться по деревням, но начальник наш, Малиновский, получил приказ из Петербурга по случаю предстоящей коронации никого не увольнять в отпуск. Следовательно, приходилось нам жить в Москве, и мы положили ознакомиться с московскими окрестностями. Вследствие этого нашего решения мы постепенно посетили пешком все приближные местности Белокаменной, и как все эти прогулки совершены были нами вместе, то они также сильно содействовали к скреплению нашей дружбы. Я вспоминаю о них с особенным чувством и знаю, что я им весьма многим обязан.

Слухи о предстоявших приговорах Верховного суда не переставали волновать Москву, но никто не ожидал смертной казни лиц, признанных главными виновниками возмущения.

Во все царствование Александра I не было ни одной смертной казни, и ее считали вполне отмененною. С легкой руки Николая I смертные казни вошли у нас как бы в обычай, и при благодушном Александре II они совершались не раз и уже не производили того потрясающего действия, какое произведено было известием о казни *Рылеева, Муравьева-Апостола, Бестужева-Рюмина, Пестеля и Каховского*. Описать или словами передать ужас и уныние, которые овладели всеми — нет возможности: словно каждый лишился своего отца или брата.

Вслед за этим известием пришло другое о назначении дня коронования императора Николая Павловича. Его въезд в Москву, самая коронация, балы придворные, а равно балы иностранных послов и у некоторых московских вельможей — все происходило под тяжким впечатлением совершившихся казней. Весьма многие остались у себя в деревнях, и принимали участие в упомянутых торжествах только люди, к тому

обязанные по службе. Император был чрезвычайно мрачен, вид его производил на всех отталкивающее действие; будущее являлось более чем грустным и тревожным.

А.И. Кошелев

КРУЖОК Н. А. ПОЛЕВОГО*

Говоря о тогдашних знакомых и временных неприятелях Николая Алексеевича Полевого, не могу не упомянуть, наконец, о небольшом искреннем кружке знакомых, который образовался около этого времени в нашем доме. Он составил, большею частью, из молодых людей, пламенно любивших литературу и занимавшихся новым тогда направлением философии.

Из числа их должен я упомянуть прежде, нежели о других, об Иване Васильевиче Киреевском, потому что он был знаком с нами еще прежде издания «Московского Телеграфа». У него не было блестящего дара слова, как у покойного Веневитинова, но необыкновенно логический, твердый ум его способствовал ему быть непобедимым диалектиком. Это особенно обнаружилось в то время, когда в нашем доме явилось несколько молодых людей, только что окончивших университетский курс, страстных последователей и поклонников Шеллинговой философии. Одним из них был Михаил Петрович Розберг. Он окончил университетский курс в 1825 году и тогда же написал и напечатал свою диссертацию об эстетическом развитии греков и римлян. Диссертация его, написанная на латинском языке, была награждена серебряною, а не золотою медалью потому только, что первую награду при-

* *Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого.* СПб., 1888, с. 151—157, 166—167, 177—178, 209—211.